

Волненія крестьянъ въ царствованіе императора Александра I.

(Продолженіе).

4. Формы крестьянскихъ волненій; средства усмиренія ихъ и отношеніе правительственной власти къ крестьянскимъ волненіямъ.

Крестьянскія волненія принимаютъ различныя формы и размѣры, часто характеръ волненія не находится въ непосредственной зависимости отъ поводовъ, давшихъ толчекъ движению; очевидно, размахъ движения и активного протеста зависитъ отъ недовольства, корни котораго таятся въ общихъ условіяхъ жизни крѣпостного крестьянства въ данномъ помѣстьѣ. Подвести крестьянскія движенія по характеру ихъ проявленія подъ какія-либо общіе виды не поддается никакой возможности, каждое крестьянское волненіе заключаетъ нѣчто вполне индивидуальное: невозможно классифицировать крестьянскія волненія зависить еще отъ того, что официальные источники не всегда одинаково обстоятельно сообщаютъ о проявленіяхъ крестьянскаго недовольства. Но что касается отношенія мѣстной и центральной администраціи къ факту крестьянскихъ волненій, то въ этомъ случаѣ можно отмѣчать болѣе или менѣе общую линію поведенія. Мѣстная администрація, какъ только свѣдѣетъ о происшедшихъ волненіяхъ, немедленно командировуетъ официальныхъ лицъ на мѣста происшествій, въ большинствѣ случаевъ чиновниковъ губернскаго правленія, которымъ поручается изслѣдованіе обстоятельствъ, вызвавшихъ крестьянское волненіе; одновременно вмѣшается имъ въ обязанность краткими мѣрами и вразумительными увѣщаніями

склонить неповинующихся къ спокойствію, для чего на помощь часто привлекается мѣстный священникъ: но если кроткія мѣры вразумленія не достигаютъ цѣли, тогда уже привлекается на помощь военная сила, которая приступаетъ къ активнымъ дѣйствіямъ въ случаяхъ проявленія со стороны крестьянъ рѣшительныхъ дѣйствій. Въ качествѣ официального слѣдователя нерѣдко выступалъ уѣздный предводитель дворянства, губернаторъ. Интересно, что официальные слѣдователи стараются разыскать „начинщиковъ“ крестьянскаго „возмущенія“ и близорукіе слѣдователи въ большинствѣ случаевъ только и склонны видѣть въ крестьянскихъ волненіяхъ проявленіе чужой, злой воли. О всѣхъ случаяхъ волненій доводится до свѣдѣнія Министра Полиціи, Внутреннихъ Дѣлъ, а чрезъ нѣхъ посредствомъ до Комитета Министровъ и, насколько наши документы позволяютъ заключать, о случаяхъ волненій извѣщался и императоръ.

Въ 1813 г. въ Кирилловскомъ у., Новгородской губ. числомъ 99 д. вышли изъ подчиненія помѣщичьей власти. Крестьяне „одного зазѣдателя прибили“. Земскій судъ долженъ былъ дѣйствовать съ помощью инвалидовъ солдатъ, „приглася въ случаѣ нужды для преподанія увѣщанія приходскаго священника“, въ случаѣ безуспѣшности кроткихъ мѣръ усмирители могли прибѣгнуть къ болѣе строгимъ мѣрамъ, къ оружію, но съ тѣмъ, чтобы „крестьянамъ никакого разоренія и обидѣ, а тѣмъ болѣе дракъ и смертоубійствъ не происходило“. Крестьяне гр. Воронцова, въ Тамбовской губ. въ 1816 г., въ буйственномъ настроеніи, вышли самовольно косить сѣно на лугахъ, принадлежавшихъ крестьянамъ сосѣдняго села: при появленіи зазѣдателя и стряпчаго, которые намѣревались разъяснить имъ незаконность ихъ дѣянія, бросились съ косами, топорами, дубинами на бывшихъ при томъ поятыхъ и поводчиковъ, „избили мучительно“, одного „убили до смерти“, зазѣдатель и стряпчий едва спаслись. Экономическіе крестьяне разныхъ деревень Орловской губ. при „поновленіи“ межи „причинили побой“ земскому исправнику, зазѣдателью, секретарю, приказно-служителямъ. Малороссійскіе крестьяне Львовскаго у., слободы Кожан, дер. Загряжской, и-цы Анненковой, въ 1843 г. отказались отъ поставки рекрутовъ и господскихъ

работъ „до окончанія введеннаго ими дѣла“, крестьяне были помѣщицей распроданы: крестьяне требовали возвращенія на прежнія жилища проданныхъ крестьянъ. Увѣщанія совѣтника Уголовной Палаты, губернскаго стряпчачаго, священника не имѣли никакихъ результатовъ. Губернаторъ усмотрѣлъ главную причину волненія во вредныхъ внушеніяхъ повѣтчика тит. сов. Паленицына, который якобы „неправильными толкованіями законовъ впечатлѣлъ въ нихъ духъ неповиновенія и написалъ просьбу отъ лица крестьянъ въ Сенатъ, вчернѣ помѣщала въ ней законы „къ существу дѣла отнюдь не подлежащіе“; пользуясь простотой крестьянъ выманивалъ у крестьянъ деньги; а крестьяне, по увѣренію помѣщицы, обложили себя сборомъ на „искательство сего дѣла“. Крестьяне жаловались на незаконную ихъ продажу. Истребованныя сенатомъ объясненія на жалобу окрылили надежды крестьянъ, полагавшихъ, что Сенатъ находитъ основанія жалобы справедливыми. Также постороннимъ вліяніемъ объяснила администрація волненіе крестьянъ въ Минской губ., м. Давыдгородѣ, имѣніи Л. Радзивилла. Крестьяне выпли изъ повиновенія, потому что „оказалось въ нѣкоторой части обремененіе работами“, что явилось слѣдствіемъ перемѣнъ владѣльцевъ, „кои дѣйствовали въ назначеніи повинностей по произволу“; по мнѣнію администраціи, возмущеніе произошло отъ недоумливанія крестьянъ подпоручикомъ Уставщиковымъ, и называющимъ себя шляхтичемъ Братковскимъ. Крестьяне „осмѣлились чинить публикаціи“, и, какъ рассказывалъ повѣренный Радзивилла, „публикація сія произведена была съ барабаннымъ боемъ“. Императоръ повелѣлъ изслѣдовать причины волненія крестьянъ и если крестьяне оказались доведенными до возмущенія незаконными поборами и притѣсненіемъ, то, предавъ законному сужденію помѣщика, учинить надъ крестьянами опеку.

Въ Пензенской губ., Городищенскомъ у., имѣніи кн. Гагарина, „возмечтавъ паки о вольности“, крестьяне въ 1819 г. „отложились въ повиновеніи“. Ассесоръ губ. пр. Тарховъ, собравъ до 200 д. крестьянъ, сталъ ихъ уговаривать, но крестьяне съ „дерзостью“ объявили, что „не стануть на работы и ни работъ исправлять“, до тѣхъ поръ, пока не будутъ „господскій хлѣбъ давать безденежно“, и не удалятъ изъ вотчины

управляющаго; крестьяне хотятъ „располагать не только хлѣбомъ, но и всѣми хозяйственными заведеніями по произволу“, отказываются повиноваться новому владѣльцу. Крестьяне составляли „не только тайныя и открытыя сходки, умышляють смѣнить смотрителя къ хлѣбу на заводѣ опредѣленнаго“. Въ виду явнаго нежеланія со стороны крестьянъ подчиниться увѣщаніямъ, рѣшили прибѣгнуть къ военной силѣ и дѣйствовать „съ нужною въ подобныхъ случаяхъ твердостью“. Волнующіеся крестьяне въ числѣ серьезныхъ требованій выставляли неперемѣннымъ условіемъ устраненіе управляющихъ и приказчиковъ въ имѣніи, которые нерѣдко являлись главными орудіями угнетенія. Крестьяне особенно страстно домогаются права самоуправленія и самостоятельнаго избранія приказчика, сотскихъ и др. должностныхъ лицъ. Но въ этихъ требованіяхъ крестьянамъ всегда отказывается какъ помѣщикамъ, такъ администраціей; той и другой сторонѣ подобная уступка кажется колебаніемъ престижа помѣщичьей власти, а крестьяне смотрятъ на это право, какъ на существенное условіе ихъ правомѣрнаго существованія. На почвѣ столкновенія этихъ противоположныхъ интересовъ создается серьезная коллизія. Въ имѣніи кн. Волконской, Саратовской губ., с. Репьевкѣ въ 1818 г. при требованіи оброка крестьяне, „собравшись въ господскій домъ, требовали смѣнить всѣхъ старостъ, выборныхъ, ключника, десятскаго, сотскаго“. Управляющій уступилъ „усильному“ требованію и на другой день на большомъ мірекомъ сходѣ крестьяне избрали новыхъ, „дѣлали разныя неистовства, били дубьемъ старшину Ф. Доронина и проломили ему голову, другой крестьянинъ Рубликовъ едва ли живъ остался отъ побоевъ, если бы во время не отняли; „навязавши нѣсколько пучковъ розогъ“ намѣревались наказать сотскаго, но тотъ скрылся; при попыткѣ управляющаго задержать „начинщика Гуду Сухорукаго, тотъ убѣжалъ въ сосѣднія деревни, возбудилъ тамъ крестьянъ и въ сопровожденіи 40 чел. пріѣхалъ верхомъ въ Репьевку въ тотъ же день вечеромъ и соединившись съ крестьянами Репьевки, образовали массу въ 300 чел. Управляющій, „опасаясь худыхъ надъ собою послѣдствій“, выѣхалъ въ ближайшее село Отрадно. Наконецъ, крестьяне извиняясь, раскаялись и начинщики были преданы суду.

Крестьянскія волненія не всегда мирно протекаютъ; вышедшія изъ повиновенія крестьяне проявляютъ много буйства, смѣлости въ своихъ дѣйствіяхъ, сопровождая свои выступления насиліями надъ экономическими властями, надъ представителями администраціи, которые пытаются усмирить волнующихся. Въ этихъ дѣйствіяхъ крестьянъ проявляется много солидарности между участниками движенія, готовность общими усиліями, „міромъ“ постоять за общее дѣло; мало того, увѣренные въ справедливости своихъ домогательствъ, избираютъ изъ своей среды опытныхъ, свѣдущихъ людей, или чаще изъ приказныхъ, стряпчихъ, ходатаевъ по дѣламъ, повѣренныхъ для защиты крестьянскихъ интересовъ. Крестьяне Тамбовской губ., Спасской округи, с. Бути; вотчины кн. Гагарина, въ 1818 г., „оказавъ бунтъ“, выгнали управляющаго вотчиной дворянина Козакевича „безчеловѣчно совѣмъ изъ вотчины“. Какъ послѣ Козакевичъ жаловался губернатору, крестьяне хотѣли его убить, „овладѣть землями и лѣсомъ“, „не внимая ничему, ни двухъ священниковъ увѣщаніямъ“, „требовали отъ священника какихъ-то трехъ указовъ, которыхъ будто бы имъ не объявляютъ“, стали грозить кн. Гагарину, когда тотъ пріѣхалъ въ имѣніе. Когда Козакевичъ уѣхалъ изъ имѣнія, „крестьяне раздѣлившъ всю землю и лѣсъ, рубятъ оный и расхищаютъ“. Къ волнующимся крестьянамъ выѣхалъ земскій исправникъ съ воинской командой, со всеѣмъ присутствіемъ земскаго суда и и. д. стряпчаго. Крестьянъ волнующихся было до 500 ч.: они отказались выдать зачинщиковъ, но представили „доношеніе, писанное Кадомскимъ мѣщаниномъ Поповымъ“; съ жалобой на управляющаго вотчиной. Исправникъ попытался взять одного изъ участниковъ волненія, крестьяне заступились за него, не вняли никакимъ увѣщаніямъ и „дошли до такой азартности, что, окруживъ исправника съ командой, толкали его и втащили въ толпу, приказывая другимъ бить въ набатъ“. По мѣтнію губернатора, всеѣхъ участниковъ волненія было до 2000 д. Не смотря на болѣзнь, съ 2 эскадронами Иркутскаго полка, губернаторъ пріѣхалъ къ волнующимся крестьянамъ для „вразумленія оныхъ“, но „вразумленія сн, на мѣрахъ кротости основанныя, возымѣли совершенный успѣхъ и все „безъ изыятія“ „съ проливіемъ слезъ“ каются въ своемъ невѣжествѣ. Наканунѣ пріѣзда

губернатора въ с. Салтыково-Буть прибыли туда двое крестьянъ изъ дер. Гагарина, Борисоглѣбскаго у., состоящаго изъ 2000 д. и, сколько по замѣчаніямъ можно было думать, для совѣщанія съ крестьянами с. Буть“. Двое дворовыхъ, прибывшихъ изъ Москвы, „по непросвѣщенію своему разгласили, якобы въ Москвѣ ожидается помѣщичьимъ крестьянамъ и дворовымъ людямъ вольность“. Губернаторъ, усмотрѣвъ чистосердечное раскаяніе и отдѣливъ наиболѣе провинившихся, другимъ „объявилъ всемилостивѣйшее прощеніе“; крестьяне учинили присягу быть послушными, обязавшись въ томъ „крѣпчайше подпискою“. Раскаившіеся были прощены, главные участники преданы суду. А двое дворовыхъ, разглашавшіе вѣсти объ ожидающихъ крестьянъ милостяхъ, для „пресѣченія“ были наказаны на сходкѣ 30 ударами. Крестьяне—участники подвергаются примѣрнымъ наказаніямъ для предотвращенія на будущее время подобныхъ проявленій недовольства, но публичныя наказанія не достигали цѣли. Насилія крестьянъ надъ должностными лицами при исполненіи послѣдними официальныхъ обязанностей каралось весьма строго. Въ 1816 г. произошло какое-то волненіе среди крестьянъ мызы Педдисъ, Эстляндской губ. Одинъ изъ участниковъ волненія крестьянинъ Янъ отказался внести въ запасный магазинъ, слѣдуемый съ него хлѣбъ, отказался также отъ положенныхъ работъ и билъ управляющаго мызы, крестьяне отказались привести его на помѣщичій дворъ, тогда помѣщикъ обратился къ помощи гагенрихтера. Послѣдній сталъ уговаривать Яна, но онъ „забылся до того, что съ упорностью схватилъ гагенрихтера за грудь“ и старался ускользнуть изъ рукъ солдатъ, на крикъ Яна выбѣжали крестьяне, кои были въ связи и вмѣстѣ съ нимъ согласились оказывать сопротивленіе и, имѣя въ рукахъ колья, подходили къ 1-ру, чтобы освободить Яна. По рыцарскому и земскому праву Эстляндіи (1 кн. 6 т. 7а) всякій, кто положить руку на гагенрихтера во время исполненія обязанностей, противится словомъ или дѣломъ, долженъ быть „наказанъ жизнью“, но вмѣсто казни, отмѣненной въ Эстляндской губ. Выс. узаконеніями, это наказаніе замѣняется „40 парами прутьевъ и ссылкой въ Сибирь на работу“: на основаніи Ук. Правит. Сената 30 сент. 1754 г. преступники должны быть „клеимены съ вырваніемъ ноздрей“. Къ этому

наказанію и быть присужденъ Янъ Вирско-Эрвенскимъ Мангерихтомъ, приговоръ былъ утвержденъ губернаторомъ на томъ основаніи, что „вообще наказаніе по дѣламъ уголовнымъ должно служить въ устрашительный примѣръ другимъ“, тѣмъ болѣе, что Гакенрихтеръ часто исполняетъ свои обязанности „однимъ лицомъ“ при двухъ солдатахъ инвалидной команды. Губернаторъ въ своемъ донесеніи Комитету Министровъ полагалъ, что „одно только тѣлесное наказаніе 40 парами прутьевъ, составляющихъ не болѣе 120 ударовъ, которые по закону распредѣляются на 3 раза не сдѣлало бы потребнаго впечатлѣнія на мыслящихъ, подобно преступнику, въ особенности, когда такое наказаніе прутьями употребительно при меньшихъ преступленіяхъ“, къ тому же „примѣръ сей есть рѣдкій и такъ въ губерніи неслыханный, чтобы крестьянинъ дерзнулъ положить руку на Гакенрихтера, яко единаго полицейскаго судью по своему округу“. Поэтому губернаторъ взываетъ о примѣрномъ наказаніи, „дабы устрашить прочихъ единомыслящихъ отъ подобныхъ покушеній и сохранить должный порядокъ“, ибо преступленіе это „важнѣе смертоубійства, поелику убійца лишаетъ жизни одного только человѣка, злоумышленный же возмутитель, если не будетъ устрашительнымъ образомъ наказанъ, можетъ подать поводъ къ смерти многихъ людей, ибо ежели не удастся вдругъ возстановить спокойствіе, то надобно будетъ прибѣгнуть пособію воинскому и въ случаѣ необходимаго употребленія воинской силы безвинно лишатся жизни многіе. Комитетъ министровъ согласился съ доводами эстляндскаго губернатора и призналъ необходимость „объ отправленіи въ Эстляндскую губ. требованнаго заплечнаго мастера“. Крестьяне Пензенской губ., въ Инсарской округѣ, въ дер. Чекашевыхъ-Поляхъ, въ 1814 г., проданные въ числѣ 382 ч., отказались исполнять работы на новаго господина своего, г.-лейт. Обрѣзкова. Командированный губернской чиновникъ долженъ былъ „развѣдать скромнымъ образомъ, не откроется ли человѣкъ, котораго неблагомыслие ввело крестьянъ въ заблужденіе“. Внушеніе не произвело никакого дѣйствія и пришлось прибѣгнуть къ военной силѣ. Слѣдствіе обнаружило подстрекателя заштатнаго города Троицка, волостного голову Федорова, писаря однодворца Рубцова и однодворца Подзорова, они и были пре-

даны суду. Остальныхъ участниковъ раздѣлили на 3 группы: 11 человекъ было отправлено въ губернской городъ для отдачи въ смиренительный домъ до рѣшенія дѣла, другіе отправлены въ с. Токмаково на господскую работу Обрѣзкова, подъ надзоромъ военной команды, прочихъ подъ стражей держали въ деревнѣ, съ которыми въ случаѣ нераскаянія должны были поступить со всей строгостью законовъ. Изъ отправленныхъ въ Токмаково крестьянъ 24 раскаялись и были освобождены: но для наблюденія за крестьянами была оставлена военная команда при одномъ офицерѣ и засѣдателѣ земскаго суда Маріоновѣ. Крестьяне волнующихся деревень часто подготавливались для встрѣчи военной силы и для сопротивленія, въ такихъ случаяхъ „священническое внушеніе“ оказывалось совершенно безцѣльнымъ, такъ крестьяне Новохоперскаго у., сл. Воскресеновки, поковъ Стюсаревыхъ и Поповыхъ въ 1810 г. „даже молебствовали о полученіи успѣха“, когда въ деревню стала вступать команда въ 150 чел., они начали стрѣлять въ казаковъ изъ за плетней и толпа, вооруженная пиками, насаженными на древца, косами и разнымъ дрекольемъ бросилась на команду и стала дѣйствовать „вооруженною рукою“. Во время перестрѣлки былъ раненъ есаулъ Рубановскій 2-мя пулями въ грудь, третьей въ бокъ, кромѣ того ранены были одинъ урядникъ, 11 человекъ рядовыхъ, изъ нихъ 4 тяжело. Изъ крестьянъ убитыхъ оказалось 10, раненыхъ 29; во время стрѣльбы загорѣлись 2 избы. Крестьяне „единодушно приготовились къ сопротивленію“.

Переходимъ къ обзорѣннѣ тѣхъ случаевъ крестьянскихъ волненій, въ которыхъ особенно рѣзко стало проявляться неудовольствіе крестьянъ, а слѣдовательно сильнѣе оказывалось сопротивленіе.

Малороссійскіе крестьяне Курской губ., Львовской округи, п-ця Анненковой, проданные пом. Денисову вышли изъ повиновенія въ 1815 г. 27 сент.: губернаторъ распорядился командировать военную силу до 100 чел.; Губернское Правленіе въ свою очередь послало надв. сов. Гаврилова, который „краткими и благоразумными совѣтами“ долженъ былъ привести въ послушаніе „заблудшихся“. Гавриловъ приступилъ къ дѣйствию со 2 окт., команда была оставлена въ сосѣднемъ съ сл. Кожлей и дер. Загряжской селѣ Тарасовѣ. Явившись

въ дер. Загряжскую и сл. Кожлю, Гавриловъ засталъ „гро-
маду народа, собравшагося около церкви“, всѣ попытки
„увѣщанія“ со стороны Гаврилова оказались тщетными,
получали отъ крестьянъ „отвѣты... глупые и вольномыслен-
ные“, вродѣ того, что они „на все готовы“. Военная ко-
манда вступила, наконецъ, съ Г-вымъ и земскимъ судомъ
въ сл. Кожлю; команда должна была преградить крестьянамъ
входъ на колокольню, чтобы крестьяне не ударили въ на-
бать и не „сдѣлали возмущенія въ народѣ“. Крестьяне от-
вѣчали на всѣ уговоры категорически, что „до получения
разрѣшенія на всеподданиѣйшее ихъ прошеніе никакому по-
мѣщику принадлежать и служить не могутъ“. Тогда Г-въ
забралъ 19 чел., какъ главныхъ зачинщиковъ, это дѣйствіе
произвело смятеніе, крестьяне бросились на понятыхъ, сбили
ихъ съ ногъ, ударили въ набать и „посыпились съ горъ
мужчины и женщины и дѣвки съ разнымъ дрекольемъ“; въ
виду буйства со стороны крестьянъ команда была усилена
еще на 100 чел. и губернаторъ далъ приказъ Г-ву не допу-
скалъ крестьянъ „совокупляться и дѣлать невозможнымъ ихъ
усмиреніе средствами менѣе для нихъ самихъ вредными“. Совѣтникъ Г-въ открылъ, что крестьянами руководилъ во-
лостной голова того же уѣзда Дурново и повѣренный кре-
стьянъ Сем. Котлевъ, однодворецъ Обемашевъ, а сочините-
лемъ прошенія былъ живущій въ Курскѣ кол. рег. Зубковъ.
8 окт. команда подъ начальствомъ майора Данилова и пору-
чника Лизогуба вступила въ с. Кожлю вторично, но какъ
только стали приближаться къ ней, то „за 3 версты слышанъ
былъ въ оной набатный бой, который то переставалъ, то
опять возобновлялся“, команда Лизогуба заняла колокольню,
сняли у колоколовъ языки; солдаты уже окружили толпу,
но крестьяне „кричали съ азартомъ, что если кого изъ нихъ
тронуть, то примутся за свои припасы и безъ смерти дѣло
не обойдется“, начальники команды дознали, что во дворѣ
Барабанова приготовлены разныя „смертоносныя“ орудія,
какъ то „насаженные прямокомъ на самыхъ длинныхъ ше-
стахъ косы, цѣпы, топоры, пики, копья и дубины“, поэтому
команда вынуждена была приступить къ рѣшительнымъ дѣй-
ствіямъ еще и потому, что крестьяне не только не смягча-
лись, но „день ото дня приходили въ самое отчаянное ожес-
точеніе, которое ясно оказали въ теченіе недѣли со дня

прихода къ нимъ воинской команды“; крестьяне „на возвышенныхъ мѣстахъ около слободы караулы“ поставили, которые при малѣйшемъ движеніи поднимали тревогу. Команды, наконецъ, окружили дворъ Барабанова, гдѣ былъ „собранный къ драгѣ народъ всего мужескаго и женскаго пола болѣе 500 д., кромѣ находившихся по дворамъ въ готовности“; крестьяне „учиня выстрѣлы изъ пистолета“, кинулись на солдатъ съ крикомъ: „бей всѣхъ до смерти“; убито во время этихъ дѣйствій было 2 м., 2 ж., ранено 5 м. и 1 ж. Тогда же были арестованы главари волненія. Дознаніе показало, что священникъ той слободы Николаевскій „подкрѣплялъ ихъ къ упорности, какъ-то: служилъ для общества ихъ молебны, позволялъ бить въ набатъ, предъ евангеліемъ и крестомъ другъ за друга клясться, и совѣтовалъ стоять дружиѣе, обнаруживая, что они по какимъ-то указамъ будутъ свободными“; уликкой противъ священника послужило то, что онъ „заперъ снутри ворота замкомъ и по требованію не отперъ“, не вышелъ по приказанію совѣтника, требуя „письменнаго видѣнія“; священникъ былъ взятъ силой, „имѣя на себѣ епитрахиль“, въ комнатахъ его оказались спрятанными бунтовщики. Крестьяне избрали ходатаемъ по своему дѣлу жителя с. Котлева Обемяшева, обложили 10-рублевымъ сборомъ каждое тягло и обязались уплатить 2 т. р. повѣренному, изъ которыхъ Обемяшевъ получилъ уже 300 р. Обемяшевъ успокаивалъ крестьянъ, что „стрѣлять ихъ не станутъ, а только стращать, завѣряя притомъ, что развѣ у него голова на плечахъ не станетъ, тогда только онъ не отыщется имъ вольность“. Крестьянинъ Коротенковъ, по совѣту Обемяшева, ѣздивъ въ Августѣ мѣсяцѣ съ товарищемъ Ковтуновымъ въ окольные казенныя селенія и „отбирали отъ жителей руки, что они не крѣпостные и что при Кожлѣ и Загряжской земли казенныя“, въ удостовѣреніе чего и получили свидѣтельства, писанныя въ дер. Роговой губери. рег. Цозняковымъ, подписанныя волостнымъ головой Дурново и царемъ Жмакинымъ. По усмиреніи крестьянъ п-къ Денисьевъ былъ введенъ во владѣніе. Впечатлѣніе, вынесенное губернаторомъ отъ всего хода волненія крестьянъ, свелось къ убѣжденію, что „закоснѣлость въ упорности сихъ крестьянъ могла быть изгнана только силой военнаго оружія“.

Въ столь же рѣзкихъ формахъ проявилось волненіе среди

экономическихъ крестьянъ Псковскаго у. разныхъ деревень по случаю проведенія межи между дачами дер. Федотовой съ дер. Ладышною и сельцомъ Шахровымъ, п-цы Окуневои. Послѣ окончательнаго утвержденія въ натурѣ межи крестьяне дер. Ладышнои не позволили поставить межевыхъ столбовъ, „по согнаніи рабочихъ въ азартѣ своемъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ выбросили межевые столбы“, (это было еще въ 1815 г.). О случившемся землемѣръ Фомичевъ сообщилъ земскому суду, но оттуда никакихъ распоряженій не послѣдовало. По вступленіи въ должность новаго губернатора, Губернское Правленіе рассмотрѣло просьбу экономическихъ крестьянъ объ уничтоженіи межи, по которому якобы отходила часть ихъ земли къ помѣщицѣ Окуневои, рассмотрѣно было и прошеніе старосты Окуневои о довершеніи межеванія: 27 іюня 1817 г. Земскому Суду и Псковскому Губернскому землемѣру было предложено привести въ извѣстность утвержденную Фомичевымъ межу, а также изслѣдовать, кто учинилъ бунтъ. Изъ изложеннаго ясно видно, съ какой быстротой дѣйствовала администрація въ разрѣшеніи острыхъ вопросовъ! Когда власти прибыли на мѣсто, крестьяне дер. Ладышнои и Федотовой, 47 чел., выслушавъ указъ губернскаго правленія объ отчужденіи отмежеванной земли во владѣніе Окуневои, „съ азартомъ кричали“, что земля принадлежитъ имъ и никому ее не уступятъ. Тогда выѣхавъ на спорную землю земскій судъ, открылъ здѣсь присутствіе, вновь читали распоряженія губ. правленія объ отчужденіи земли, но всѣ 42 кр. „единодушно“ кричали, что „никакъ сей земли не дадутъ и что пусть сѣкутъ ихъ кнутомъ и положить головы на плахи, отвѣчать всѣ будутъ, а землю Государеву, принадлежащую имъ, не отдадутъ“ и указа губ. правл. не послушаютъ. Когда судъ распорядился забрать 4-хъ крестьянъ, то остальные за нихъ заступились, говоря: „братъ, то братъ всѣхъ“. Губернаторъ полагалъ, что крестьяне не достаточно уяснили себѣ смысла указа губ. правленія и рекомендовалъ земскому суду вызвать къ нему, губернатору, къ 10 іюля крестьянъ для личнаго объясненія. Въ деревню къ волнующимся крестьянамъ 20 іюля пріѣхалъ исправникъ, стряпчій, землемѣръ для окончанія межеванія, но встрѣтили со стороны крестьянъ весьма суровый пріемъ: „взявшись другъ за друга крѣпко за руки, не допускали къ выполненію, крича всякъ въ своей

голосъ, что не дадутъ земли даромъ, и чтобъ ни трогать ихъ, а то головщина будетъ“, защищали себя „дракою“. Исправникъ „мѣрами осторожности“ прекратить драку, но среди крестьянъ распространился слухъ, что одинъ изъ нихъ Павелъ Леоновъ убитъ; но засѣдатель нашелъ его въ живыхъ и не выдалъ его. Губернаторъ, осведомленный объ ожесточеніи крестьянъ, двинулся на мѣсто дѣйствія самъ съ дворянскимъ предводителемъ, захвативъ врача дер. Беллина. Губернатора крестьяне просили не отчуждать земли помѣщичь до полученія отвѣта на поданное ими Министру Финансовъ прошеніе; крестьяне старались доказать, что потеря отмежеваннаго участка земли разорить ихъ, что землю они удобрили, распахали для посѣва озимаго хлѣба. Крестьянинъ Леоновъ по освидѣтельствованіи врача оказался совершенно невредимымъ. Просьба крестьянъ, оказалось, имѣла серьезныя основанія. Въ дер. Федотовой (по крестьянскому назв. Подсадыя), Мадышной и двухъ еще селахъ при генеральномъ межеваніи, въ одну округу межеванныхъ, числилось 192 души. Земли имъ отмежевано было усадебной 6 дес. 107 с., пашни 423 дес. 2078 с., покосу 43 дес. 1978 с., лѣсу 31 дес. 1117 с., на удобства 20 дес. 133 с., всего 585 дес. 613 с.; послѣ споровъ еще отведено 327 дес. 180 с., всего 912 д. 793 с. Сколько изъ этого количества слѣдовало отрѣзать Окуновой не было извѣстно ни въ губ. Правленіи, ни въ Казенной Палатѣ, а межевая канцелярія не доставила ни плановъ, ни другихъ свѣдѣній. Окунова утверждала, что по рѣшенію Сената ей слѣдуетъ отмежевать 428 д., тогда на долю крестьянъ пришлось бы 484 дес., что составило бы на душу 2 дес. 1374 с.; при такихъ условіяхъ крестьяне не были бы обезпечены землей, земли крестьянскія оказались бы окруженными помѣщичьими землями. Губернаторъ довелъ до свѣдѣнія Министра Финансовъ о положеніи крестьянъ, просилъ оставить отводъ Окуновой земли до изготовленія плана межеванія. Хотя слѣдствіе и показало серьезность причины, которая заставила крестьянъ быть въ „азартѣ“, и повидимому самъ губернаторъ раздѣлялъ, что крестьяне были правы въ своемъ домогательствѣ, тѣмъ не менѣе, отвлекаясь отъ очевидной причины волненія крестьянъ, онъ старается объяснить крестьянское волненіе посторонними доводами, ему кажется, что волненіе произошло отъ первоначальнаго послабленія, допущен-

наго властью, а послѣ этого крестьяне дѣйствовали уже по глупости своей. Аналогичныя волненія произошли въ сосѣднихъ деревняхъ ¹⁾. Для прекращенія крестьянскаго недовольства и для острастки другимъ губернаторъ полагалъ цѣлесообразнымъ наказать главарей и наиболѣе видныхъ участниковъ волненія на сходкѣ; но центральная власть въ лицѣ С. П. Б. Военнаго губернатора разошлась въ данномъ мнѣніи: признавая, что крестьянское неповиновеніе есть ослушаніе законной власти, въ Петербургѣ считали болѣе правильнымъ предать крестьянъ законному сужденію. Если псковскому губернатору дѣло представлялось очень просто, то не такъ посмотрѣли на него въ столицѣ; черезъ Аракчеева было объявлена Выс. повелѣніе: 1) оставить отрѣзываніе отъ экономическихъ земель въ пользу помѣщиковъ по Псковской губ. 2) командировать въ Псковскую губ. отъ Министерства Финансовъ и Полиціи двухъ чиновниковъ, съ порученіемъ объѣхать всѣ экономическія селенія, гдѣ межевая канцелярія назначила отрѣзать участки въ пользу помѣщиковъ и изслѣдовать а) сколько по числу душъ приходится земли, б) сколько этого количества назначено въ отрѣзку и в) сколько и какой земли послѣ сего останется на долю крестьянъ; 3) на будущее же время постановить за правило, что во всѣхъ удѣльныхъ и казенныхъ селеніяхъ, если по тяжёбымъ дѣламъ, или по рѣшенію Сената постановлено будетъ производить отрѣзки въ частное владѣніе, то не иначе какъ по предварительному соглашенію съ Министромъ Финансовъ относительно надѣленія крестьянъ землями взамѣнъ отходящихъ. При этомъ должно быть представлено объясненіе о необходимости подобной замѣны: если послѣ отрѣзки останется достаточное на душу количество земли, то замѣна въ такихъ случаяхъ не производится. Если поблизости отъ отходящихъ отъ крестьянъ земель не окажется, то въ такомъ случаѣ помѣщиковъ нужно удовлетворять или деньгами, или равноцѣнными участками въ другихъ мѣстахъ.

Межеваніе и связанное съ нимъ потеря земли постоянно приводила крестьянъ въ сильное смятеніе и они отстаива-

¹⁾ Межеваніе происходило въ уу. Псковскомъ, Островскомъ, Новоржевскомъ, Великолукскомъ, Торопецкомъ, Холмскомъ, Порховскомъ, Опочечкомъ.

ють свои земли вооруженной рукой, оказывая рѣшительное сопротивление всякому, кто пытался посягнуть на земли, которыя крестьяне считали своей неотъемлемой собственностью. Согласно постановленію Прав. Сената должны были отмежевать земли сел. Озерка во владѣніе п-ковъ Ковлова и Аксенова; крестьяне же Скопинской Коннозаводской волости, с. Чернавы, Рязанской губ. лѣтомъ 1815 г. не позволили производить межевыхъ работъ. Для изслѣдованія дѣла былъ командированъ совѣтникъ губ. Правленія Матвѣевъ. Были при этомъ собраны старшіе крестьяне по одному изъ каждаго двора, всего 150 чел.; когда крестьянъ стали спрашивать объ именахъ, то они отвѣчали „самымъ грубымъ и буйственнымъ образомъ“, что именъ своихъ не объявятъ. Чиновники хотѣли убѣдить волнующихся, что земля отмежевывается по Выс. распоряженію, просили смириться, но „крестьяне не одинъ разъ заглушали ея внушенія самымъ буйственнымъ шумомъ“, наконецъ, вышедъ изъ себя, кричали, что отходящая земля ихъ собственность, требовали постановленія Сената, „по которому оная земля была прежде отдана имъ во владѣніе“, говорили, что будутъ просить объ оставленіи земли за ними, а „безъ разрѣшенія на просьбу до отрѣзки оной никакъ не допустятъ“, всѣ „увѣщанія приводили крестьянъ лишь въ большее неистовство“. Въ августѣ мѣсяцѣ къ волнующимся с. Чернавы присоединились крестьяне 5 другихъ селеній. Наконецъ, крестьяне объявили, что препятствій межеванію не будутъ оказывать, но дать въ томъ подписку отказались. Чиновникъ, производившій слѣдствіе въ с. Чернавѣ, нашель тамъ „болѣе 100 чел. крестьянъ въ нетрезвомъ и развратномъ положеніи“.

На помощь Матвѣеву была командирована рота солдатъ. Матвѣеву даны были инструкціи усмирить волнующихся. „не приступая однако въ случаѣ дальнѣйшаго упорства крестьянъ къ рѣшительнымъ мѣрамъ“. Земскій судья и ротный командиръ потребовалъ зачинщиковъ, но больше 200 чел. „съ чрезвычайнымъ шумомъ, имѣя въ рукахъ колья, пики и дубины кричали, что никого не дадутъ“. Командиръ роты успѣлъ было захватить одного, но „прочіе закричали, что они всѣ равны, зачинщиковъ у нихъ нѣтъ и взять ни единаго безъ смертнаго убійства не допустятъ, бросились съ своимъ оружіемъ на роту и хотѣли бить сол-

дать дубинами“, поэтому пришлось отпустить забраннаго. Въ виду такого оборота дѣла рѣшили увѣщевать крестьянъ черезъ священника, но крестьяне до того не допустили и съ ругательствомъ требовали, чтобы священникъ оставилъ ихъ. Такъ какъ обращеніе къ военной силѣ не вносило успокоенія, а скорѣе ожесточало волнующихся, то она была отправлена въ губернской городъ. Крестьяне не допускали мысли о томъ, что ихъ собственная земля будетъ отдана помѣщикамъ, да еще по Выс. конфирмаціи, „ибо по невѣжеству своему и грубому образу мысли они полагаютъ, что Государь императоръ *находится въ предѣлахъ Россіи и дѣло сіе Е. И. В. неизвѣстно*“. Губернаторъ не рѣшился самостоятельно прибѣгнуть къ какимъ-нибудь рѣшительнымъ мѣрамъ. По постановленію Комитета Министровъ, отъ 25 сент. 1815 г., изъ Москвы командировался баталіонъ, чтобы кроткими мѣрами усмирить крестьянъ, а губернатору постановлено на видъ, что неприлично было по требованію неповинующихся, возвратить взятаго подъ стражу крестьянина“. Новый чиновникъ кол. сов. Абрамовъ еще 12 сент. уговаривалъ крестьянъ смириться, но тѣ упорно продолжали требовать копій съ Указа Прав. Сената, Абрамовъ обѣщаль дать, но крестьяне ни 14, ни 13 сент. не явились за ней, объясняли это тѣмъ, что ихъ могутъ задержать, наконецъ, совѣмъ отказались отъ полученія копій изъ рукъ Абрамова и обратились за ней въ Скопинскій Земскій судъ. Абрамовъ объяснилъ, что судъ, за неимѣніемъ подлиннаго указа, копій дать не можетъ и только 21 сент. взяли у Абрамова копию, обѣщавъ не мѣшать межеванію; дѣйствіе военной силы было приостановлено. По постановленію Комитета Министровъ отъ 20 ноября 1815 г., отмѣнялось рѣшеніе отъ 21 сент., „дабы изысканіемъ виновныхъ не подать повода къ новому безпокойству“. Оберъ-штабмейстеръ Мухановъ, познакомившись съ подробностями дѣла, заключилъ, что для усмиренія крестьянъ *„не столько строгости нужна была, которая приводила крестьянъ въ страхъ и ожесточеніе, по простотѣ и неосмысленности ихъ, сколько способность чиновника (Абрамова), могущаго разрѣшить ихъ сомнѣнія и извлечь изъ того возможность изъ упрямства сдѣлать кротость и изъ послушанія во всемъ совершенное повиненіе“*.

Продолжая изученіе крестьянскихъ волненій, не можемъ обойти безъ разсмотрѣнія тѣхъ случаевъ крестьянскихъ волненій, въ которыхъ стало проявляться упорство, неповиновеніе крестьянъ въ формахъ столь же рѣзкихъ, какъ предыдущіе случаи. Крестьяне кол. сов. Кирьякова, сел. Жукова и Стасовецъ посланы были владѣльцемъ на дачу въ Херсонскій у. для приготовленія земли къ посѣву. Крестьяне, „собравшись до 300 и болѣе человекъ и выѣхавши изъ жилищъ своихъ, остановились на полѣ близъ Жукова“, отказываясь идти далѣе; не слушали уговоровъ земскаго комиссара, „подкрѣпляясь въ такомъ намѣреніи письмомъ, писаннымъ отъ находящагося изъ числа ихъ въ военной службѣ Г. Трироженко“; мало того, когда земскій комиссаръ съ застѣвателемъ земскаго суда стали уговаривать и внушать крестьянамъ повиновеніе, „то они подхватя косы, колья, сѣкиры и пики, бывшія у нихъ подъ прикрытіемъ, бросились съ такимъ азартомъ на понятыхъ, что на томъ же мѣстѣ одинъ волостной урядникъ убитъ, а 8 человекъ ранено, изъ коихъ одинъ на другой день умеръ, другіе едва спаслись бѣгствомъ“. Въ с. Жуково пріѣхалъ совѣтникъ губ. правленія Дьяковъ, рота полтавскаго конно-казацкаго полка, два эскадрона и понятыхъ, всего до 400 чел. подъ командой майора Носенко съ предписаніемъ, „не раздражать крестьянъ, и дѣйствовать больше убѣжденіемъ“. Если бы крестьянамъ разрѣшили остаться на мѣстахъ до будущей весны (волненіе происходило весной 1815 г.), то крестьяне смирились бы. Губернаторъ изъявилъ согласіе, но крестьяне пожелали это услышать лично отъ губернатора. Губернаторъ выѣхалъ къ крестьянамъ, „замѣтя весьма скромный ихъ пріемъ, рѣшился приблизиться къ нимъ на 20 шаговъ, когда они сидѣли и стояли близъ своихъ возовъ безъ всякаго вооруженія“, но какъ только губернаторъ началъ говорить, раздался ружейный выстрѣлъ, пуля пролетѣла мимо губернатора, крестьяне, „вскричавъ другъ къ другу, схватили ружья, косы, пѣты и опрокинувъ оными роту гарнизоннаго баталіона, прогнали даже конныхъ шаговъ на 200 въ стремительномъ бѣгствѣ“. Носенко объявили крестьяне, что „не хотятъ ни въ дома возвращаться, ни имѣть у себя какого-либо помѣщика, а расположены остаться на настоящемъ мѣстѣ впредь до полученія отъ верховнаго правитель-

ства какого-то мнимаго разрѣшенія“. Во избѣжанія дальнѣйшихъ осложненій губернаторъ рѣшилъ „пресѣчь столкновение съ окрестностями и заставить ихъ сдаться“, и оставилъ ихъ въ „блокадѣ разбѣжныхъ казаковъ“, и полагая, что съ истощеніемъ запасовъ они сдадутся. Въ рукахъ губернатора оказался весьма любопытный документъ, письмо изъ Люблина, отъ 20 дек. 1814 г., унтеръ-офицера Трироженко къ отцу, въ которомъ между прочимъ было сказано: „какъ скоро мнѣ Богъ дастъ волю, что избавлюсь отъ службы, что хотя съ голоду голый въ одной сорочкѣ буду пропадать, а пойду прямо въ Петербургъ просить, что насъ совѣсьмъ разорили. Я уже Е. В. Константина Павловича просилъ и подалъ просьбу въ слѣдующемъ: писалъ сіе такъ точно, какъ я пошелъ на службу отъ помѣщика Кочубея, оставилъ родителей своихъ отца и мать при старости лѣтъ, нынѣ получилъ отъ нихъ извѣстіе, что совѣсьмъ они помѣщикомъ разорены и проданы на Адессъ, помѣщику Кирьякову. А какъ я продолжалъ службу безпорочно и раненъ, за что пожалованъ унтеръ-офицеромъ, теперь не имѣю родительскаго пристанища, куда и прійти, и не знаю, кто меня приметъ, или кто при старости усмотритъ Васъ“, на это Константинъ Павловичъ сказалъ: „люблю, что жалѣешь стариковъ родителей своихъ“, въ третій день получилъ отъ Е. В. унтеръ-офицерскій чинъ и обнадеженъ точно“, что въ Полтавской и Черниговской губ. не будетъ крестьянъ „панскихъ, а все казенные и казаки, а помѣщикамъ, которые имѣютъ въ оныхъ губерніяхъ крестьянъ и землю, то на мѣсто ихъ дѣйствительно дано будетъ въ Польшѣ, также и Кочубею. Я же слышалъ о продажѣ Васъ отъ Секретаря Е. В. и по вашему дѣлу велѣно выслать изъ Полтавы кн. Лобанова и губернатора въ Петербургъ къ отвѣту и мнѣ точно секретарь сказалъ, что будетъ посланъ сенаторъ на рѣшеніе дѣла изъ Петербурга“, и „вы услышите скоро, что будетъ съ вами на мою просьбу, да постарайтесь дать мнѣ знать, сколько васъ всѣхъ продано въ Адессъ Кирьякову“. Неизвѣстно происхожденіе письма и подлинно ли оно принадлежитъ тому лицу, которому приписывается; конечно, невозможно найти какую-либо крупицу истины отъ вымысла въ этомъ документѣ, но это совершенно не важно, важно только то, что подобныя произведенія производили на

крестьянъ фантастическое впечатлѣніе, такая бумага превращалась въ глазахъ волнующихся въ необычайно цѣнный документъ и содержаніемъ документа, каково бы фантастично содержаніе ни было, крестьяне искали оправданія своихъ домогательствъ и опорочить подобный документъ было дѣло не легкое, ибо онъ сильно гипнотизировалъ волнующуюся массу.

Волнующіеся крестьяне большую надежду возлагаютъ на помощь свыше, въ представленіи крестьянъ Государь всегда на стражѣ справедливости, готовъ защитить крестьянъ, только чиновники и помощники скрываютъ отъ него правду и вотъ они сами непосредственно обращаются къ нему, въ полной глубокой надеждѣ, что ихъ просьба не останется безъ отвѣта, желательнаго имъ, крестьянамъ. Они съ одной и той же стереотипной фразой, полной глубокой вѣры и убѣжденія, отвѣтствуютъ на всѣ обращенныя къ нимъ увѣщанія и уговоры быть послушными, что до полученія „заведеннаго“ дѣла никому послушны не будутъ. Крестьяне питаютъ большое довѣріе и къ высшимъ органамъ центрального управленія, въ ихъ головы не умѣщается мысль о томъ, что эти органы не съ ними и не всегда готовы отстаивать и защищать ихъ интересы. Большое значеніе придаютъ бумагѣ, печати, она въ глазахъ крестьянъ пріобрѣтаетъ мистическое значеніе и всегда очень рѣшительно отказываются отъ дачи какихъ-либо письменныхъ удостовѣреній и расписокъ. Крестьяне слободы Городищенской въ 1819 г. отказываются дать слѣдователямъ какія-либо письменныя объясненія, они откровенно заявляютъ слѣдственной власти, что ни за что объясненій „не подпишутъ, считая, что всякими рукоприкладствами потеряютъ право на вольность“; ¹⁾ преисполненные ожиданій улучшенія и измѣненія своего положенія тѣ же крестьяне смѣло заявляютъ слѣдственнымъ властямъ, чтобы онъ по-къ Кирсановъ немного потерпѣлъ, а „тогда увидитъ, что все они будутъ состояніемъ имъ Кирсанову (помѣщикъ)

¹⁾ Когда волнующимся крестьянамъ, Псковской губ., Опочецк. у., Воровеж. Удѣльн. Приказа, въ 1817 г. объявлено было дать подписку, что имъ объявлена Высоч. воля о бытіи въ повиновеніи и крестьяне согласились, то за неграмотностью крестьянъ рѣшили власти приюжить къ запискѣ въ присутствіи крестьянъ печати, крестьяне „закричали печатей не прикладывать“.

и *Аганову* (слѣдователь) *равны*“. Изъ приведенныхъ данныхъ очевидно, какое большое впечатлѣніе должно было произвести на крестьянъ Кирсанова упомянутое выше письмо. Послѣ долгихъ переговоровъ 27 февр. 1815 г. крестьяне двинулись съ своихъ стоянокъ, „взяли направленіе свое вооруженною рукою“ къ хутору Тререговкѣ съ угрозами, что „будутъ бить какдаго въ смерть, кто имъ въ томъ воспрепятствуетъ“, военная команда только слѣдила за движениемъ крестьянъ, не предпринимая ничего. Достигнувъ хутора, состоящаго изъ 9 избъ, крестьяне расположили, въ „оборонительномъ положеніи на выгодномъ мѣстѣ“, „имѣя для подкрѣпленія себя съ тылу всевозможные способы къ продовольствію“, тогда, улучивъ время, военная команда окружила тотъ хуторъ, „не дѣйствуя и тутъ наступательно, но будучи въ готовности предупредить всякое вредное общему спокойствію предпріятіе“. 28 февр. губернаторъ хотѣлъ говорить съ крестьянами объ оставленіи ихъ, согласно желанію, до весны на старомъ мѣстѣ, но буйство крестьянъ до того возросло, что если кто либо приближался къ нимъ, хотя бы на разстояніи 200 шаговъ, то они, „гоняются за нимъ съ орудіями и похваляются убить того, кто осмѣлится подѣхать къ нимъ близко“. Окруживъ крестьянъ казачьими командами и ротами внутренней стражи, вновь приступили къ внушенію и убѣжденію „кроткими мѣрами“, но напрасно, крестьяне „пробивая колыями ямы, при умноженномъ крикѣ и произнесеніи самыхъ дерзкихъ словъ насчетъ начальства и помѣщика своего, ругательствомъ поклялись, что до тѣхъ поръ не сдадутся и не пойдутъ съ занимаемаго ими мѣста, пока не положатъ въ одной ямѣ губернатора, а въ другой комиссара и не составятъ такой могилы, какъ Полтавская“, пытались при этомъ „прорваться черезъ цѣпь и побивъ всѣхъ помѣщиковъ, въ окружныхъ селеніяхъ добраться и до гор. Полтавы“, бросились на казаковъ, но они отступали и не причиняли нападающимъ никакого вреда, хотя и „наносили имъ (казакамъ) чувствительные побои цѣпами, топорами, косами и т. п. орудіями, а вилами поролли лошадей“. Выведенные изъ терпѣнія солдаты стали стрѣлять, со стороны крестьянъ было убито 11, ранено 12 чел., солдатъ ранено 12 чел., взято подъ стражу 67 чел. Въ дѣйствіяхъ крестьянъ усмотрено подстрекательство жителя Пол-

тавскаго Новѣта штабъ-ротмистра Кропивнаго. Дѣйствія Носенко съ командой были признаны малороссійскимъ ген.-губ. перѣшительными, а осада крестьянъ „не основательной по достоинству и власти начальства“. Главнымъ виновникомъ былъ выставленъ тотъ же Трироженко, „ибо къ заблюденію людей даже и Высочайшее имя государя царевича есть дерзость, о коей и мечтать трудно, а избѣжать дѣйствіе соблазна его чинимаго не всякому удобно“. Виновные были преданы суду; но постановленіемъ Комитета Министровъ отъ 9 и 13 марта Уголовной Палатѣ вмѣнено было при опредѣленіи степени виновности участниковъ волненія, „не приводя въ исполненіе опредѣленія, довести объ этомъ Министру Финансовъ для доклада Государю“.

С. Аваліани.

(Продолженіе слѣдуетъ).